

кая Россія идетъ навстрѣчу полякамъ „съ открытымъ сердцемъ съ братски протянутою рукою“, то въ русскихъ общественныхъ кругахъ вѣсть эта была встрѣчена, какъ выраженіе народныхъ желаній. Въ Россіи вопросъ о возрожденіи Польши сталъ національнымъ дѣломъ, конечно, поскольку рѣчь шла о возрожденіи, исключаящемъ земли, гдѣ искони вѣковъ населеніе признавало себя русскимъ. Не сказывается ли въ вѣковой устойчивости мысли Екатерины Великой свидѣтельство жизненности ея политики!

Главную цѣль своей политики русская императрица опредѣляетъ національными задачами, которая обусловливались прошлымъ народа, его духовными и матеріальными интересами. Повинуясь ихъ требованіямъ, она и приняла участіе въ планахъ Фридриха II, тѣмъ болѣе, что уклоненіе отъ нихъ помѣшало бы ей осуществить въ отношеніи Турціи и русскихъ земель Польши насущныя задачи, властно выдвигаемыя родною исторіею. Мы увидимъ, какое выдающееся значеніе имѣютъ для Россіи права, полученныя ею, благодаря Кучукъ-Кайнарджійскому договору 1774 года, окончившему тяжелую почти шестилѣтнюю войну. Мы увидимъ, что послѣдствія этого договора и настоячивыхъ усилій Россіи свидѣлствуютъ о побѣдѣ христіанскихъ началъ надъ проявленіемъ грубой силы. Съ этими послѣдствіями связана національная и политическая свобода именно христіанскихъ народовъ. Несомнѣнно, что на долю Россіи тогда выпала борьба ради защиты правды, одушевлявшей ранѣе европейскій міръ въ теченіе долгихъ столѣтій. Пускай, надъ тогдашними непорядками русскихъ изощряли свое остроуміе иностранцы, сравнивая ихъ съ таковыми же у турокъ! Просвѣщеннымъ критикамъ отвѣтила Екатерина II, говоря, что „негѣжество русскихъ—свойство ихъ первой юности, тогда какъ оно же у турокъ послѣдствіе ихъ слабоумной старости“.

Пока Россія при крайнемъ напряженіи силъ жертвовала жизнью своихъ сыновъ, заинтересованное посредничество (на образномъ языкѣ той эпохи—„добрыя офиціи, абюзивеманъ именуемая медиациею“) Пруссіи и Австріи тормозило миръ также и послѣ раздѣла Польши. Дѣятельность ихъ облегчалась тѣмъ, что и Франція побуждала Турцію не заключать мира. При такихъ условіяхъ Россіи пришлось, наконецъ, отказаться отъ пріемовъ „самокрайной иѣжности“, т. е., осторожности и терпѣнія, о необходимости которой писалъ въ ту эпоху одинъ изъ ея дипломатовъ. Турки тогда поняли, что дальнѣйшее сопротивленіе для нихъ невозможно и былъ заключенъ миръ, какъ объ этомъ скромно сооб-